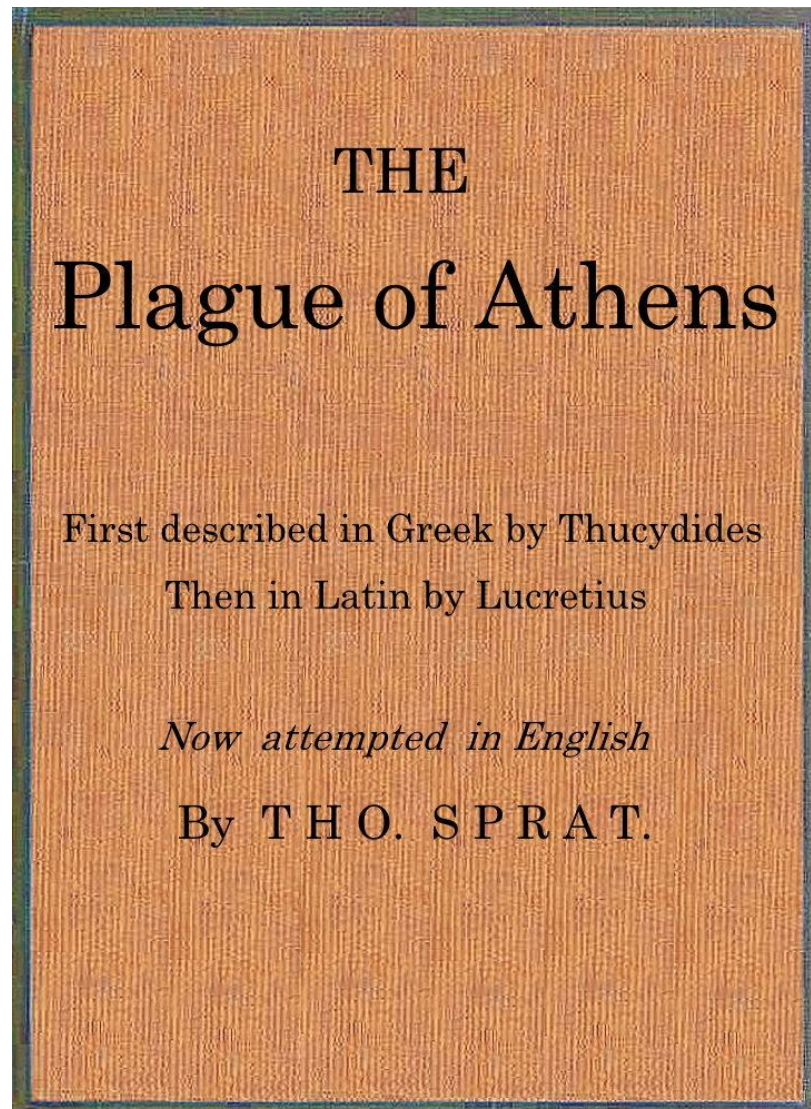

Афинская чума, случившаяся на второй
год Пелопоннесской войны. Впервые
описано на греческом языке
Фукидидом; затем на латыни
Лукрецием. Сейчас предпринята
попытка на английском

Фукидид
Томас Гоббс
Томас Спрэт

Электронная книга проекта Гутенберга о Афинской чуме, случившейся на втором году Пелопоннесской войны

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Афинская чума, случившаяся на второй год Пелопоннесской войны

Автор: Томас Спрат

Томас Гоббс

Фукидид

Дата выхода: 1 августа 2021 г. [Электронная книга № 65972]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторские права: Соня Шерманн, Джон Кэмпбелл и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АФИНСКАЯ ЧУМА",
ПРОИЗОШЕДШЕГО НА ВТОРОМ ГОДУ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ ***

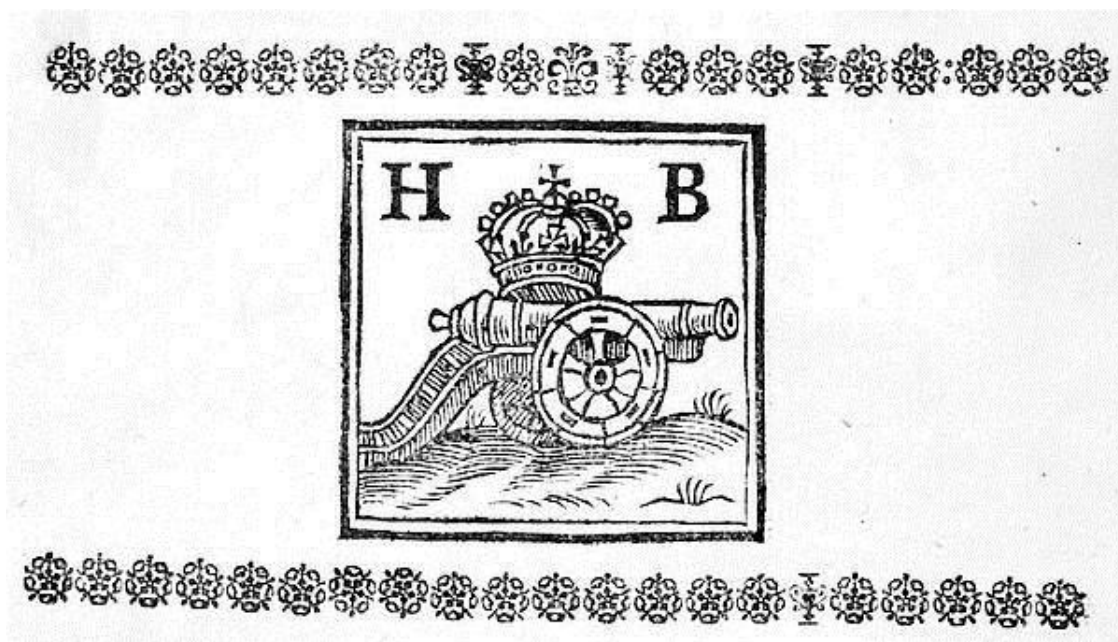
ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Длинная форма s (f) в оригинальном тексте была заменена современной s в этом тексте.

Несколько очевидных типографских и пунктуационных ошибок были исправлены после тщательного сравнения с другими встречающимися в тексте и обращения к внешним источникам.

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

Некоторые незначительные изменения в тексте отмечены в [конце книги](#).

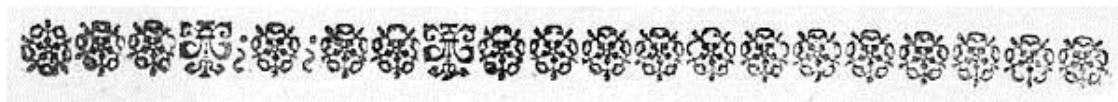

Пусть эта книга будет напечатана.

Вас понял Л'Эстранж.

28 марта.

1665.

Афинская чума,

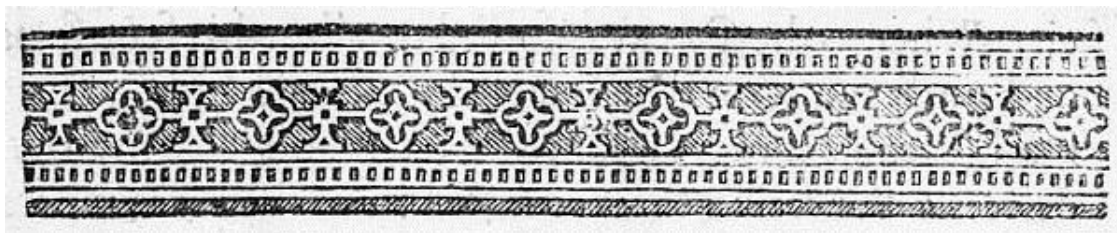
Который произошел на ВТОРОМ ГОДУ Пелопоннесской войны. Впервые описано на *греческом* Фукидидом; затем на *латыни* Лукрецием.

Теперь предпринята попытка на английском,

Кстати. Килька.

ЛОНДОН,

Напечатано Е. С. для Генри Бромав "Пушке" на Айви-лейн, 1665.

Моему Достойному и образованному Другу, доктору Уолтеру Поупу, покойному проктору Оксфордского университета.

СЭР,

Я не знаю, какое удовольствие вы могли бы получать, отдавая свои приказы столь бесполезно, если только это не то, ради чего Природа иногда лелеет Монстров и допускает их появление, - любовь к Разнообразию. Это единственное наслаждение вы получите, перевернув этот грубый и неполированный Экземпляр и сравнив его с моими превосходными Образцами, *греческими и латинскими*. Из этого вы увидите, насколько благородный Предмет изменен и обезображен больной рукой, и по какой причине *Александру* пришлось запретить рисовать свою Картину только каким-нибудь знаменитым Карандашом. На *греческом языке* *Фукидид* так хорошо и так живо выражает это, что я не знаю, что больше похоже на Поэму, его описание или *Лукреция*. Хотя следует сказать, что у *Историка* было огромное преимущество перед *Поэтом*; он присутствовал на том месте и сам был поражен болезнью, поэтому его глазам был знаком ужас, а все образы *страданий* все еще оставались в его сознании, что, должно быть, произвело большое впечатление на его Перо и Воображение. В то время как *Поэт* был вынужден позволить ему делать шаги, и он позволил ему только поработать над этим вопросом. Я говорю об этом, потому что это может в какой-то мере оправдать и мои собственные недостатки: за то, что я был так далеко удален от места, где болезнь разыграла свою Трагедию; и время лишило нас многих обстоятельств, обычаев Страны и других мелочей, которые были бы очень полезны любому, кто намеревался быть совершенным в этом предмете; помимо того, что я просто писал, руководствуясь *представлением* о том, чего я еще никогда не видел и не хотел чувствовать (будучи не в духе Художника в лице сэра *Филипа Сидни*, который сунулся в самую гущу событий). Сражайся, чтобы он мог лучше описать это) имея, говорю я, все эти недостатки и многие другие, в которых я должен винить только себя, нельзя ожидать, что я приблизился бы к тому, в ком не было недостатка ни в одном из противоположных преимуществ. Таким образом, сэр, подбив меня на эту опрометчивую попытку, вы дали возможность *греческому и латыни* одержать Победу над нашим *Родным языком*. Тем не менее, я бы не удостоил чести Страны или языка, участвующие в сравнении, но хотел бы, чтобы неравенство не простиралось дальше *Авторов*. Но у меня есть много причин опасаться справедливого негодования этого превосходного Человека (нынешнего Украшения и Чести нашей Нации), чьей манере письма я подражаю: ибо он может считать себя столь же оскорбленным моим следованием за ним, как были оскорблены Небеса этим смелым человеком, подделавшим священный и неповторимый шум Грома звоном Меди и стуком лошадиных копыт. Скажу только от себя, что я последовал совету *Цицерона*, который советует нам в подражание предлагать нашим мыслям самый благородный образец; ибо так мы можем быть уверены, что поднимемся над обычным Уровнем, хотя и бесконечно далеки от того, к чему стремимся. И все же я надеюсь, что ни одно из моих

преступлений не отразится на этом знаменитом Поэте; ибо не было никакой вины превосходного Музыканта в том, что слабая Птица, напрягая горло, чтобы следовать его Нотам, погубила себя в Попытке. Что ж, сэр, судя по тому, что я предпочел разоблачить себя, чем проявить непослушание, вы можете догадаться, с каким рвением и риском я стремлюсь утвердить себя,

СЭР,

Ваш самый Смиренный и

Любящий Слуга,

Тхо. Килька.

Фукидид, Книга 2.

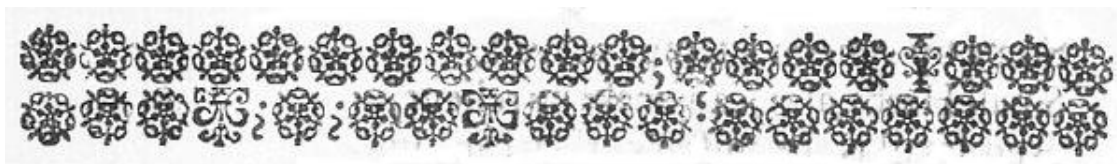
Как это превосходно переведено мистером Хоббсом.

Всамом начале лета пелопоннесцы и их союзники, с двумя третями своих сил, как и прежде, вторглись в Аттику, под предводительством Архидама, сына Зевксидама, царя Лакедемонян, и, разбив лагерь, опустошили окрестные земли.

Они пробыли в Аттике не так уж много дней, когда среди афинян впервые началась чума, которая, как говорят, ранее охватывала и другие районы, например, около Лемноса и в других местах; но такой сильной чумы и смертности людей, как помнится, никогда раньше не случалось ни в одном месте. Ибо поначалу ни Врачи не могли вылечить это из-за незнания того, что это такое, но быстрее всего умирали сами, поскольку были людьми, которые больше всего подходили к больным, и никакое другое искусство человека вообще не помогало. Все мольбы к Богам, запросы к оракулам и любые другие средства, которые они использовали в этом роде, оказались бесполезными; настолько покоренные величием зла, они отказались от них полностью. Это началось (по сообщениям) сначала в той части Эфиопии, что лежит на Египте, а оттуда распространилось на Египет и Африку, и на большую часть Территорий короля. Оно внезапно вторглось в Афины и коснулось сначала тех, кто жил в Пирее, поскольку они сообщили, что пелопоннесцы бросали отраву в свои Колодцы, поскольку источников в том месте не было. Но потом это дошло до верхнего Города, и тогда они умерли гораздо быстрее. Теперь пусть каждый человек, врач или кто-либо другой, о причине этой болезни, откуда она возникла и какие причины, по его мнению, способны вызвать столь значительные изменения, говорит согласно своим собственным знаниям; со своей стороны, я расскажу лишь о том, как это произошло, и открою только такие вещи, по которым можно ориентироваться, чтобы обнаружить то же самое, если это

повторится, поскольку я сам был болен этим и видел, как другие болели тем же. Этот год, по признанию всех мужчин, был из всех прочих, по другим Болезням, самым свободным и оздоровительным. Если какой-либо человек был болен раньше, его болезнь переросла в это; если нет, то все же внезапно, без какой-либо предшествующей видимой причины, и будучи в полном здравии, они были приняты сначала с сильной головной болью, покраснением и воспалением глаз; а затем их горло и языки стали кровоточить, а дыхание - зловонным и неприятным. За этим последовали чихание и охриплость голоса, и вскоре после этого боль вместе с сильным кашлем перешла в грудную клетку. И когда однажды он попал в желудок, это вызвало рвоту, и с великими мучениями начались все виды желчного очищения, которые когда-либо называли врачи. У большинства из них также был Засос, который сопровождался сильными судорогами, и у некоторых быстро прекращался, но у других было задолго до того, как он проходил. На Ощупь их тела внешне были ни очень горячими, ни бледными, но красноватыми, багрово-бледными и покрытыми маленькими прыщиками и прыщичками; но внутри они так горели, что не могли вынести ни самой легкой одежды из льна, ни чего-либо другого, кроме легкой наготы, но, скорее, охотнее всего бросились бы в холодную воду. И многие из тех, на кого не обращали внимания, одержимые ненасытной жаждой, бежали к Колодцам; и было безразлично пить много или мало, поскольку они все еще были полны легкости и сил заснуть, как никогда. Пока болезнь была в разгаре, их тела не истощались, но сопротивлялись мучениям сверх всяких ожиданий, до такой степени, что большинство из них либо умирали от внутреннего жжения в течение 9 или 7 дней, пока у них еще были силы, либо, если они избегали этого, тогда болезнь опускалась в их животы и вызывала там великое возбуждение и неумеренную расслабленность, многие из них впоследствии умирали от слабости: Ибо болезнь (которая сначала поражала голову) начиналась сверху, спускалась и проходила по всему телу; и тот, кто преодолевал худшее из этого, был все же отмечен потерей своих крайних частей тела; ибо, вырвавшись как у их Ближайших членов, так и у их пальцев на руках и ногах, многие с потерей их спаслись. Были также те, кто потерял там Эйса, и многие из них вскоре после выздоровления были погружены в такое забвение обо всем вообще, поскольку они не знали ни себя, ни своих знакомых. Ибо это была своего рода болезнь, которая далеко превосходила всякое словесное выражение, и обе превосходили Человеческую Природу по жестокости, с которой она обращалась с каждой из них, и, казалось, также в остальном не была ни одной из тех болезней, которые разводятся среди нас, и особенно из-за этого. Для всех, как Птиц, так и Зверей, которые обычно питаются Человеческой плотью, хотя многие люди, лежащие непогребенными, либо не добрались до них, либо попробовав, погибли. Аргументом в пользу того, что это касается Птиц, является очевидный недостаток такой Птицы, которого тогда не было видно ни около Тушек, ни где-либо еще; но собакам, поскольку они знакомы с людьми, этот эффект был виден гораздо яснее. Так что эта болезнь (опуская многие странные подробности несчастных случаев, которые у одних протекали иначе, чем у других) была в целом такой, какую я показал; а что касается других обычных болезней, то в то время ни один человек ими не страдал. Теперь они умерли, некоторые из-за отсутствия ухода, а некоторые снова со всем возможным уходом и Лекарствами. Не было и какого-либо, скажем так, определенного Лекарства, которое, должно было бы помочь им; ибо если оно приносило пользу одному, то причиняло вред другому; не было и никакого различия в Телe в силе или слабости, которое могло бы этому противостоять; но оно уносило прочь все, какое бы Лекарство ни было назначено. Но величайшим несчастьем из всех было уныние у тех, кто обнаруживал, что начинает болеть (ибо вскоре они впадали в отчаяние и сдавались, не оказывая никакого сопротивления), а

также то, что они умирали таким образом, как Овцы, зараженные взаимным посещением: ибо если люди отказывались навещать их из страха, то они умирали одинокими, в результате чего многие семьи пустели из-за отсутствия тех, кто мог бы позаботиться о них. Если они этого не делали, то умирали сами, и в основном самые честные люди. Ибо от стыда они не пощадили себя, но пошли к своим друзьям, особенно после того, как дошло до того, что даже их Слуги, утомленные стенаниями об умерших и подавленные величием бедствия, больше не были тронуты этим. Но те, кто выздоравливал, испытывали большое сострадание как к тем, кто умер, так и к тем, кто лежал больным, поскольку они оба сами познали страдания и теперь больше не подвержены подобной опасности: ибо эта болезнь никогда не уносила ни одного человека во второй раз, чтобы стать смертным. И оба этих человека были другими признаны счастливыми, и они также сами, от избытка нынешней радости, зародили своего рода светлую надежду никогда в жизни не умирать ни от какой другой болезни. Помимо нынешнего бедствия, прием деревенских жителей и их состояния в Городе угнетал как их самих, так и гораздо больше самих людей, которые таким образом приезжали. Ибо, не имея Домов, но обитая в это время года в душных хижинах, Смертность теперь не имела никакой формы; умирающие люди лежали, кувыркаясь друг на друга, на улицах, а полумертвые люди - у каждого водопровода из-за нехватки воды. Также и Храмы, где они жили в Палатках, были полны мертвых, которые умерли в них; ибо, угнетенные жестокостью Бедствия и не знающие, что делать, Люди стали беспечны как к Святым, так и к Пророческим вещам в равной степени. И все Законы, которые они раньше применяли в отношении Похорон, теперь были нарушены; каждый хоронил там, где мог найти место. И многие из-за нехватки необходимых вещей, после стольких Смертей ранее, были вынуждены вести себя дерзко на похоронах своих Друзей. Ибо, когда кто-то складывал Погребальную кучу, другой, становясь перед ним, бросал на своих мертвецов и предавал их огню. И когда один горел, приходил другой и, бросив на него того, кого он нес, снова шел своей дорогой. И великая распущенность, которая употреблялась в Городе и в других видах, началась сначала с этой болезни. Ибо то, что человек раньше скрывал и не признавал, что делал ради сладострастия, он осмелился теперь сделать свободно, видя перед своими глазами такую быструю революцию, когда богатые умирали, а люди, ничего не стоящие, наследовали свои Поместья; поскольку они оправдывали быстрое использование своих Благ, даже для своего удовольствия, как Люди, которые думали, что их Жизнь сводится к одному дню. Что касается страданий, то ни один человек не решался на какой-либо Благородный поступок, потому что они считали неопределенным, умрут они или нет, прежде чем совершат его. Но то, что любой мужчина считал восхитительным и приносящим удовольствие, делалось и прибыльным, и почетным. Ни страх перед Богами, ни Законы людей не внушали благоговения ни одному человеку. Не первое, потому что они пришли к выводу, что поклоняться или не поклоняться одинаково, увидев, что все они одинаково погибли; и не второе, потому что никто не ожидал, что жизнь продлится до тех пор, пока он не понесет наказание за свои преступления по Приговору Суда. Но они думали, что теперь над их головами нависло какое-то гораздо более тяжкое Наказание, вынесенное против них; прежде чем оно свершилось, они думали насладиться какой-то маленькой частью своей Жизни.

Чума в АФИНАХ.

Несчастный человек! от природы склонный к колебаниям,

И все же каждое Существо является добычей,

Уничтожен теми, кто должен подчиняться его власти.

Всего Мира мы называем *Человечество* Владыками,

Льстим себе громкими словами;

Из всех нас, Монархов,

И поэтому мы правим, и поэтому мы доминируем;

Все остальные существа вокруг нас стоят

Как какая-нибудь *преторианская* группа,

Охранять, помогать и защищать;

И все же иногда они оказываются Врагами,

Иногда против нас восстают;

Сами наши Охранники бунтуют и тиранят.

Тысячи Болезней, посланных Судьбой,

(Несчастные Слуги!) от нас ждут;

Тысячи Предательств внутри

Слабым положена Жизнь, чтобы победить;

Огромное количество болезней снаружи,

(Мрачный, скудный и ужасный разгром:)

Некоторые формальные Осады делают

И с уверенной медлительностью наши Тела принимают;

Некоторые с быстрой жестокостью штурмуют Город,

И все в один миг рухнуло:

Нападает какой-то особенный тип,
Некоторые общими усилиями одерживают верх.
Маленькие Травки, увь, могут только нас облегчить,
И невелика помощь, которую они могут оказать;
Как может угасающая полевая весна
Уверены, что здоровье и помощь приносят плоды?
Какое сильное и верное средство?
Какой прочной и продолжительной может быть наша жизнь?
Когда умирает то, что заставляет нас жить, каждую Зиму?

II.

И это еще не все, мы размножаемся не только
Внутри нас самих роковое семя
Об изменениях и уменьшении каждой части,
Голова, Живот, Желудок и Корень Жизни - Сердце,
Не только у нас есть Осень, когда мы должны
Части нашей собственной Природы обращаются в Прах,
Когда должны опасть листья и Плоды;
Но они также подвержены сильным Бурям,
Которые сразу делают то, что это сделало бы slowlie,
Которые сбрасывают Плоды и вместе с ними Древо Жизни.
От разорения мы напрасно
Наши тела, восстанавливаясь, поддерживают,
Тела, состоящие из материи,
Достаточно заплесневелый и хрупкий;
Но и извне мы боимся
Опасная и разрушительная война,
С Небес, с Земли, из Моря, из Воздуха.
Нам нравится, когда *Римская империя* должна распадаться,
И наши собственные силы растаяли бы

Банкой для кишок

О слонах, которые охотятся друг на друга,

The *Цезари* и *Помпеи*, которых внутри мы носим:

Но они (вот так) тоже в опасности

О чужих армиях и внешнем враге,

Иногда *готический* и варварский гнев

Чумы, или Мора, сопутствующего человеческому возрасту,

Которому не помогают ни Сила, ни Искусство;

Которого невозможно избежать или противостоять

Но тонет и затопляется неожиданным Наводнением.

III.

На *Этиопии* Южных песках,

Безлюдные Побережья и выжженная Земля,

Туда, куда Солнце посылает слишком добрый жар,

(Солнце, которое является худшим Соседом и лучшим Другом)

Сюда пришло влияние смертных,

Роковое и несчастливое пламя,

Зажженный Небесами гневный луч.

С ужасом нахмурились Небеса , рассеянные здесь

Воздух разливается жестоким инфекционным теплом,

Сейчас все свои запасы пойсона отправлены,

Сразу же грозя всеобщей гибелью,

Расточали всю свою ненависть, и имели в виду

В грядущие Века быть невинным,

Чтобы не тревожить Мир еще много лет.

Держись! Небеса, держись! Зачем твоему Священному Огню,

Который относится ко всему, что вдохновляет Жизнь,

Чьими добрыми лучами ты излучаешь

Каждый год во всем,
Новой и славной Весны,
Которое является Первоначальным Семенем
Из всех существ в Утробе Земли, которые размножаются,
С живительным теплом и быстро созревающими семенами,
Зачем тебе сейчас эта жара,
Землю, Воздух, Поля, Города раздражать?
То, что раньше возрождалось, почему оно должно теперь разрушаться?
IV.

Те *Africk* Desarts пролива были двойными Desarts взрослый,
Свирепые Твари остались одни,

Тогда впервые появились свирепые звери
Пожалеть своего старого врага, Человека,
И обвиняли Чуму в том, что сделали бы сами.
И жестокое зло не осталось бы там,
И не мог долго находиться в одном Воздухе,
Эпидемии в настоящее время отступают
Пустыня, которую они сами создают,
Прочь смертоносные вдохи, которые уносит их путешествие.
Гонимый могучим ветром,
Они новую добычу и свежий промысел находят.
Сильный ветер быстро нарастал,
И когда он проходил мимо, слышались вздохи и стоны.
На *Египте* следующим это произошло,
И умиротворить это можно было только всеобщим разорением.
Египет в ярости оглянулся на Юг,
И чудесно, что оттуда должен был последовать этот несчастливый удар,
Откуда раньше она брала свою плодотворность.

Египет теперь проклинал и поносил

Те самые Земли , откуда берет начало ее *Нил*;

Египет теперь боялся другого *еврейского* Бога,

Еще Одна Рука Ангела, второй *Aarons* Аарона.,

V.

Затем он идет дальше, причем через Священную Землю

Его разгневанные Силы действительно повелевали,

Но Бог действительно поместил туда Ангела,

Противостоять его насилию,

И сворачиваем на другую дорогу с гнилостным Воздухом.

К *Тиру* оно пришло, и там все поглотило,

Хотя тот, кто живет по Морям, мог бы считать это самозащитой:

И не стояли, как великие Завоеватели,

Пока он не наполнился и не остановил поток,

Который сделал это с берегового водораздела,

Но миновал воды и овладел всем,

И быстро все стихло.

Оттуда он *захватил*,

И все это Приносится в Жертву Солнцу;

В каждой Конечности они чувствовали ужасную боль,

Истерзанные тайными углями, они все же растаяли;

The *Персы* тщетно зывали к своему Солнцу,

Их Бог усилил боль.

Они больше не равняются на своего Бога,

Но будь прокляты лучи, которым они поклонялись раньше,

И ненавидят тот самый огонь, который когда-то они обожали.

VI.

Переполненный разорением Востока,

Она взяла свои крылья и полетела в *Афины* мимо:
Просто чума! которую не принимают никакие вечеринки,
Но *Грецию* так же, как *Персию* разграбить,
Находясь в противоестественных ссорах , они
(Как *Лягушки* и *Мыши*) убивают друг друга,
Ты в своих хищных когтях забрал и то, и другое.
Туда он пришел и действительно разрушил Город,
В то время как все его Корабли и Пассажиры смотрят на:
А теперь *Азиатская* чума сделала еще больше
Больше, чем все *Азиатские* Силы могли сделать раньше.
Без Стен *Спартанская* армия насытится,
The *Спартанская* армия пришла слишком поздно;
На данный момент у судьбы больше не было работы.
Они увидели Город открытым,
Легкая и бескровная добыча,
Они увидели, что рампайры опустели,
Флот, Стены, Форты без Охраны.
Теперь нет необходимости в жестокости или резне
Чума завершила то, ради чего они пришли:
Теперь они могли бы беспрепятственно войти туда,
Разве они не были самым Воздухом,
Больше, чем боятся *афиняне*.
Сам Воздух для них был стеной, и бульвары тоже.

VII.

Несчастные *Афины*! это правда, ты был
Самое гордое произведение Природы и искусства:
Ученость и силу сочинил ты,
Как душа и тело мы:

Но все же ты один оттуда сотворен
Более благородная добыча для вторжения Судьбы.
Те могучие числа, которые дышат внутри тебя,
Подавайте только для того, чтобы сделать пиршество Смерти более сытным.
Смерть в самых посещаемых местах живет,
Большую часть дани получает крауд;
И хотя это вызывает вздох и, кажется, владеет
Одинокая деревенская жизнь:
Он не любит Дикую Природу,
Никаких разоренных Деревень,
Но могучие многолюдные Дворцы,
Толпа, суматоха и город;
Что это за странный, неслыханный Завоеватель,
Которая усиливается из-за сил, сопротивляющихся ей!
Когда другие Завоеватели
Обязали вести более медленную войну,
Нет, иногда за себя могут опасаться,
И должны действовать с особой осторожностью,
Когда появляются более густые отряды врагов;
Это становится еще сильнее и успешнее,
Ложись скорее, пока все не рухнуло,
Если этому воспротивится большее количество людей.

VIII.

Тиран, которого впервые покорила гавань,
В последнее время *афиняне* (это знали)
Себя деревянными стенами спасали,
И поэтому сначала им эта зараза передалась,
По крайней мере, они получают оттуда новую помощь.

Жестокий *Пирей*! теперь ты погиб,
Честь, которой ты прежде достаивался:
Не весь твой Товар,
Твое богатство, твои сокровищницы,
Которые со всех Берегов снабжает твой Флот,
Может ли этого достаточно, чтобы искупить это преступление.
Рядом с верхним городом он распространился,
С безумной и необъяснимой скоростью;
На каждом углу, на каждой улице,
Без проводника никак не ступит на ноги,
И слишком знакомо каждый дом встречал.
Несчастливая *Греция* из *Греции*! *Theseus* Тесей
Причинил ли тебе смертельную рану,
Когда впервые он закрыл тебя в стенах,
Когда он впервые сократил число твоих граждан,
Дома, правительство и Законы, которыми можно пользоваться.
Было бы лучше, если бы твой народ все еще
Рассредоточенные по какому-нибудь полю или холму,
Хотя Спасение и недисциплинированность действительно сохранялись,
Хотя и варварский, неукротимый и грубый,
Чем их численностью быть подчиненными таким образом;
Быть аноидом своих собственных роев,
А быть цивилизованным - значит быть разрушенным.
IX.

Минерва вздрогнула, когда услышала шум,
И растерянный голос умирающего мужчины.
С Небес в спешке спустилась она, чтобы увидеть
Каким был могущественный вундеркинд.
На вершинах Замка она восседает,

И не дернулся бы подлететь ближе,
И среди стольких смертей не довериться самому ее Божеству.
С жалостью смотрела она на все ворота
Смерть и разрушение ждут;

Она заломила руки и воззвала к *Юпитеру*,
И все бессмертные силы свыше;
Но хотя Богиня теперь действительно охотилась,
Небеса отвернулись и отвернули свой слух.
Она принесла свою Оливку и свой Щит,
Увы, ни то, ни другое! помощь не помогает.
Она смотрит на *лицо* Медузы,
Злился, что она была
Она принадлежит к Бессмертной Расе,
Была зла, что ее голова Горгоны
Не мог поразить ее насмерть, как других;
Она насытилась и немного поплакала, а потом убежала.

Х.
Теперь Смерть начала точить свой меч,
Не все *Циклопы* потеют,
Ни *Вулкан* могучие Наковальни не могли приготовить
Ей хватит оружия,
Нет оружия достаточно большого, кроме Воздушного;
Мужчины почувствовали жар внутри него ярости,
И подпрыгнул бы Воздух, если бы это сработало,
Звали его на помощь, но Воздух обманул их,
И усугубляют болезни, которые это должно облегчить.
Воздух больше не был Жизненно необходим,
Но вырос ли смертный пойсон;

Легкие, которые служили опорой сердцу,
Теперь осталось только запустить каждую деталь,
Что должно обновить, увеличить интеллектуальность,
И теперь само их дыхание,
Главный признак жизни, ставший причиной смерти.

XI.

Сначала болезнь обрушивается на Голову,
Как смелый Завоеватель захватывает,

Начинается с Метрополии Ман,
Охраняли Капитолий, и тогда он узнал
Он мог при желании подчинить себе более слабые части тела.
Из каждого глаза потекла кровь;
Краснота этих лыж,
Предсказывал приближение бури.
Язык действительно замедлил весь процесс
Со свернувшейся Грязью и Запекшейся кровью;
Как делает Лев, когда какая - нибудь невинная добыча
Он пожрал и унес с собой:
Охриплость и язвы в горле действительно появились,
И останавливать отрывки речи и жизни;
Не осталось места ни для стонов, ни для горя;
Слишком жестокий и властный болен!
Которые не довольствуются убийством,
С тиранической и ужасной болью,
Ты отнимаешь у мужчин саму способность жаловаться.

XII.

Затем она вошла в грудь,
Здесь есть все, чем располагает жизнь,

Оттуда действительно исходили такие зловонные запахи,
Как будто желудок - это могила;
Никакая еда там не удержалась бы,
Или, если бы это произошло, переметнулся бы на сторону врагов,
То самое мясо, которое новые пойсоны поставляли для борьбы с Чумой.
Рядом с сердцем вспыхнул огонь,
Сердце действительно гадало, что это за узурпирующее пламя,
Какая неизвестная печь должна
На его более естественное тепло вторгаются,
Стрейт воспрянул духом, но был найден слишком хорошо,
Теперь было слишком поздно бунтовать.
Зараженная кровь начала свое течение,
И нес смерть туда, куда она еще не бежала,

То, что раньше было благороднейшим Искусством Природы,
Кровообращение от сердца,
Сейчас это было наиболее разрушительно,
И Природа быстрее все разрушила,
За то, что чем раньше передал
Проницательный и умный,
Инфекционная кровь проникает во все отдаленные части тела.

XIII.

Желудок наконец почувствовал свою долю,
И все эти хитроумные лабиринты там
Из извилистых недр рождались новые Чудовища.
Вот уже семь дней оно правит и раскачивается,
И часто убивают, потому что это надолго откладывается.
Но если благодаря силе и жару возраста,
Тело преодолело свою ярость,

Чума отступила, как это делает дьявол,
Когда его гонят молитвы, он уходит.
Если Молитвы и Небеса помогут ему справиться,
И если у него не может быть души,
Сам себя с крыши или окна выбрасывает,
И не пропадет ли весь его труд,
Но забирает с собой часть дома:
Итак, здесь побежденное зло забрало у них
Кто покорило это, какую-то часть, какую-то конечность;
Некоторые потеряли способность пользоваться руками или глазами,
Какие-то руки, какие-то ноги, какие-то бедра,
Некоторые всю свою предыдущую жизнь забывали,
Их умы были всего лишь одним темным пятном;
Эти разные картинки в голове,
И все многочисленные фигуры разбежались;
А теперь обыск в памяти
Томиться в голой нищете,
Потерял свою могущественную сокровищницу;
Они миновали озеро *Лета*, хотя и не умерли.

XIV.

Какими бы меньшими Недугами ни страдали люди,
Все они уступили место и исчезли;
Эти мелкие тираны сбежали,
И при виде этого могущественного Завоевателя они склонили головы.
Лихорадки, Параличи, Камни,
Подагра, Холестерин и чахотка,
И все более мягкое Поколение,
Которым Человеческий род постепенно уничтожается,

Быстро были вырваны с корнем и исчезли;
Люди увидели себя освобожденными от боли,
Радовались, но все, увы, напрасно,
Это была несчастная ремеди,
Который выругал его, что они оба могут умереть хуже и раньше.

XV.

Врачи теперь ничего не могли поделать,
Они первыми достаются гордому Победителю,
И Чума не стала бы доверять их знаниям,
Но испугался их мастерства и потому убил их первыми:
Итак, тираны, когда они хотели утвердить свое иго,
Сначала заставьте самых высокопоставленных людей почувствовать удар,
Самые главные и мудрые головы, по крайней мере, они
Следует как можно скорее послушаться,
Сначала следует взбунтоваться, и другие научатся у них этому пути.
Ни травы, ни соки не помогут,
Ни одно из *Apollo's*аполлона не могло исцелить,,
Но это поможет Чуме быстрее все поглотить.
Само по себе лекарство было болезнью,
Физик, смертельные пытки действительно усилились,
По назначению врача боли возобновились,
И *Эскулапий* к больным действительно приходил,
Как впоследствии в *Риме*,
В облике Змея, тоже принес с собой новых пойсонов.

XVI.

Ручьи действительно удивлялись, что так скоро
Как они были покинуты своими Родными горами,
Они увидели себя пьяными и испугались

Еще одна ХерхесКсеркса поблизости.,,
Некоторые бросают Урну в Яму,
И выпить его досуха по возвращении;
Они снова черпали, снова пили;
Поначалу прохлада ручья действительно благодарила,
Но чем больше было опалено, тем больше горело;
И, напившись воды, в их питье утонули:
Та Урна, которой они теперь пользуются для утоления жажды,
Вскоре их Пепел развеется.
Другие - в Хрустальный ручей,
Слабыми и чудесными глазами смотрел,
Увидели, какую ужасную форму приняли они сами,
Они бы убежали прочь, но их оставили ноги.
Некоторые подняли воду,
Их руки, их рты - чаша;
Они выпили и обнаружили, что разгорячились еще больше,
И только что добавленный в запас горючего.
Так же я видел, как на Лайм льют холодную воду,
Все сводилось к выращенной Закваске,
И скрытые семена огня вместе запускаются:
Раньше куча была спокойной и умеренной,
Такой, какой может коснуться Палец;
Но когда влага провоцирует это,
Бушевал, раздувался, дымился,
Действительно двигался, и вспыхивал, и горел, и рассыпался в прах.
XVII.
Так силен был жар, так сильны были мучения,
Им нравится нести какую-то могучую ношу
Легчайшее воздушное покрытие.

Вторгаются представители всех полов и всех возрастов
Границы, установленные Природой,
Законы скромности, созданные Природой.
Девственницы не краснеют, но появляются обнаженными,
Раздевшись, я бы побегал, но никогда не боялся.
Теперь боль и болезнь отступили
Неохотно сводят мужчин к
Снова эта нагота,
Которые раньше были причиной совершенного здоровья и невинности.
Ни сна, ни покоя, ни отдохновения,
Их блуждающие и испуганные умы владеют;
Клянусь их душами и глазами,
Ад и вечная ужасная ложь,
Необычные формы и изображения,
Темные картинки и сходства
О грядущем и о Мире внизу,
О чем мечтают их смутьяны:
Иногда они проклинаят, иногда молятся
Боги наверху, Боги внизу;
Иногда они жестоки, и яростью дышат,
Не сон, а пробуждение сейчас было сестрой смерти.

XVIII.

Разбросанные по Полям Тела лежали,
Земля взывала к Птицам, чтобы они забрали свою Плоть.
Напрасно она звала, они не приближались,
И еды на их собственные деньги не купишь,
Но при полноценном питании они испытывают голод, чахнут и умирают.
Стервятники издалека действительно видели этот пир,

Радовались и звали своих друзей отведать,
Они поспешно собрали свои войска,
Вперед шли могучие толпы,
Оставили своих детенышей и свои рощи,
У каждого своя родная гора и свое гнездо;
Они приходят, но все их тела вызывают отвращение,

А теперь еще больше избегай мертвецов
Чем более слабые птицы делали живых людей раньше.
Но если кто-нибудь посмелее попробует мясо птицы,
Они были уничтожены своей собственной добычей.
Собака больше не лает на приближающегося гостя,
Раскаивается в том, что он домашний Зверь,
Поспешил в леса и горы:
Сами Совы в *Афинах* являются
Но редко встречающийся,
Совы улетают днем,
Чем дольше оставаться в зараженном Плюще.

XIX.

Горы костей и туш,
Улица, Рыночная площадь обладают,
Угрожают воздвигнуть новый *Акрополь*.
Здесь лежат мать и ее ребенок,
Младенец еще сосал и улыбался,
Но страйт был убит собственной пищей.
Там родители в последний раз обнимали своих детей,
Здесь расставающиеся любовники в последний раз обнялись,
Но все же и не расставаясь,
Они оба выдохлись и ушли вместе.

Здесь умирают заключенные в Подземелье,
И обрести двойную свободу,
Они встречаются и благодарят за свой труд
Которые состоят из двойных цепочек
Безвреден для тела и не содержит железа.
Здесь другие учуяли запах
Которые из развращенных тел пошли,
Быстро верните смерть, которую они действительно получили,
И смерть другим дарят;
Сами ныне мертвые воздух загрязняют еще больше,
За что они других проклинали раньше,

Их тела убивают всех, кто приближается,
И даже после смерти все они здесь убийцы.

XX.

Друг слышит последние крики своих друзей,
Разделяет свою скорбь по нему и умирает,
Жизни недостаточно, чтобы закрыть на это глаза.

Отец при его смерти

Говорит его сын-наследник с заразительным придыханием;

В тот же час сын берет

Воля его отцов и его собственное решение.

Слугу здесь не нужно убивать,

Снова служить своему хозяину в другом мире;

Они, томясь, лежат вместе,

Их души улетают прочь вместе;

Муж задыхается, а его жена лежит рядом,

Следующей должна быть ее очередь умирать,

Муж и жена

Слишком по-настоящему мы теперь едины и живем одной жизнью.

Та пара, которую Боги развлекли,

Напрасно они молились здесь;

Никакие судьбы в смерти не могли бы тогда разделиться,

Они, должно быть, без своих привилегий вместе умерли.

XXI.

Теперь смертям не было числа,

Сестры сами едва удержались на ногах, чтобы перевести дыхание:

Сестры теперь совсем устали

При резке одиночным способом,

Сразу же начали разделять целые ткацкие станки,

Один удар действительно обрек на гибель целые дома;

Теперь убри морозные волосы,

Пожилые и дряхлые годы,

Они пали и только молили Судьбу,

Еще несколько месяцев, но, увы, было слишком поздно.

Затем Смерть, как будто узнав об этом,

Завоевание настолько дегенеративное,

Отсекайте молодых и похотливых тоже;

Молодые были расчетливы

Какие счастливые дни, какие радости они припасли;

Но Судьба, когда они закончили свой рассказ, убила их.

Жалкий Ростовщик покраснел,

И не успел сказать, где он спрятал свои сокровища.

Купец действительно увидел

Его корабли возвращаются с Пряностями и Золотом,

Он увидел это и отвернул голову,

И не возблагодарил Богов, а пал мертвым среди своих богатств.

XXII.

Собрания прекращаются, больше никаких
Народ толпится вокруг Оратора.
Никакого судебного решения не последовало,
Никакой шум Адвокатов не наполнял слух,
Сенат отвергнут
Наденьте Одевание Чести и повинуйтесь
Смерти более устойчиво влияют,
И это при диктаторской власти
Пожирают ли все великие и ничтожные Офицеры.
Ни один мировой судья не разгуливал по округе;
Разгром не предвещал ничего пурпурного,
И простые люди тоже
Сверкал их собственный Пурпур;
И все их Тела исчезли,
Господствующие цвета несли:
Ни судья, ни законодатели не заседают
С тех пор, как появился этот новый *Драко*,
И были установлены более суровые Законы,

Законы, подобные его, написаны кровью.
Скамейки и Место для Просьб они покидают,
Об улицах, по которым они бегают и бредят:
Безумие, которое в последнее время совершил великий *Солон* did of late
Но поддельный
В интересах государства,
Теперь его преемники слишком искренне подражают.

XXIII.

Душевный Человек встает со своей постели,

Он, хотя и слуга Смерти, не освобожден,
Смерть его обрадовала, потому что теперь в его помощи она не нуждалась.
Тот, кто раньше не умел уступать,
Или отдавать, или лидировать На Поле Боя,
Хотел бы сейчас в обморок от самого себя убежать.
Он выхватил свой меч, теперь уже заржавевший,
Ужасного и сверкающего теперь больше нет,
И так на открытых улицах раздавался рев:
Чем я так плохо заслужил твою смерть,
Что теперь ты сам должен отомстить мне?
Неужели я тебе отдал так много жизней?
Неужели земля так часто обагрялась кровью?
Должен ли я льстить тебе столькими убитыми?
И должен ли я теперь оставаться твоей добычей?
Позволь мне, по крайней мере, если *мне* придется краситься,
Встретьте в Поле боя какого-нибудь доблестного врага.
Пошли Боги снова *персидские* войска;
Нет, это низменный и дегенеративный поезд;
Они могут быть убиты нашими Женщинами.
Дай мне, великие небеса, мужественных врагов.
Позволь мне умереть среди доблестных *греков* выбору,
Позволь мне выжить и умереть в *Сиракузах*,
Где моя дорогая Страна потеряет свою Славу
Для вас, Великие Боги! влейте в мой умирающий разум,

Какие страдания, какая обреченность
Должен скоро приехать в мои *Афины*:
Мои мысли вдохновили бы на предзнаменование,
Бойни и сражения грядущего Века;

О! мог бы я умереть на этой славной сцене:

Ах, это! но затем он схватился за свой меч, и смерть положила конец его ярости.

XXIV.

Отведи, отведи свой меч, о Судьба!

Чтобы ты не раскаялся, когда будет слишком поздно,

Дабы, совершая ныне столь великую растрату,

Потратив весь Человеческий род на один пир,

Ты, наконец, сохранишь себя:

Каких людей ты оставишь в запасе,

Которого в грядущее время ты можешь поглотить,

Когда ты уничтожишь все, что было раньше.

Но если ты еще не отдашь меня,

Если твой жадный Желудок все еще требует большего,

Если останутся еще те, кого ты должен убить,

И если твои челюсти все еще жаждут,

Неси свою ярость к *скифским* берегам,

Северная дикость и вечные морозы!

Об эти колючие заросли точат твои стрелы,

Где Искусства и Законы еще незнакомы;

Где ты можешь убивать, и все же потеря будет невелика,

Там бушуют, там распространяются и там заражают Воздух,

Убивают там целые города и семьи,

Ты осмеливаешься на худшее против этих Диких народов,

Те, кого Человечество может пощадить,

Те, кого сам человек боится;

Среди этой ужасной ночи и смертельного холода,

Там ты можешь ходить невидимый и смелый,

Пусть твое Пламя удержит их Империю.

К самым дальним Морям, где кончается Природа,
Там, где никогда не простирается летнее Солнце, его лучи,

Неси свои язвы, свои боли, свой жар;
Твой бушующий огонь, твой мучительный пот,
Туда, куда никогда не проникали ни луч, ни тепло,
Они будут радоваться такой участи,
Они благословят твой Чумной огонь,
Хотя этим они истекают,
Они будут благодарны тому самому Пламени, которым они сгорают.

XXV.

Тогда, если этого банкета тебе будет недостаточно,
Ищи новые Земли, где ты можешь тиранить;
Обыщите каждый перелесок, каждый холм,
И все, что обитает в полых горах;
Эти дикие и неукротимые войска пожирают,
Тем самым ты обезопасишь остальных людей,
И за это остальные люди будут тебе благодарны.
Пусть все эти гуманные звери будут убиты,
Пока почти не останется о них памяти;
Наполни себя этой постыдной резней,
Тебе будет позволено пролить эту кровь.
Измерьте более грубый мир повсюду,
Обойди все океанские берега,
Только пройди мимо и пощади *Британский остров*.
Продолжайте, и (то, что *когда-то* делает Колумб
Когда созревают соцветия и наступает время их созревания)
Открывайте новые земли, а также неизвестные страны.
Попытайтесь проникнуть в те земли, которые еще скрыты

От всех Смертных рядом:

Вот тебе и победа,

И никто в этом мире не слышит этого крика

Из тех, кто умрет от твоих ран;

Ни один *грек* не узнает твоей жестокости,

И рассказать об этом потомкам.

Иди и лиши людей всех этих могущественных Земель,

Уничтожать безжалостными руками;

Иди, а *испанцы* мечом помешают,

Иди, сделай *испанца* невиновным,

Идите и выкорчевывайте весь человеческий род там.

Что, когда появятся *Европейские* армии,

Их грех, может быть, будет меньшим,

Они могут найти все это дикой местностью,

И без крови владеют там золотом и серебром.

XXVI.

И это не все, что мы тебе даруем;

Вместо того, чтобы ты должен желать полного признания,

Мы разрешаем в *Греции* сажать само твое царство.

Прочесать *улицы* *Ликурга* повсюду,

У них нет защитных стен, чтобы не впустить тебя.

На распутном и гордом *Коринфском* берегу,

И не позволяй ее двойным волнам утихомирить твое пламя.

Пусть *Кипр* почувствует больше огня, чем огня Любви,

Пусть *Делос*, который сначала дал Солнце,

Вижу неведомое Пламя в ее глазах,

Теперь пусть она пожелает, чтобы она могла непостоянно доказать,

И со своего места действительно могла бы сдвинуться.
Пусть *Лемнос* почувствует весь твой гнев,
И думают, что новый *Вулкан* пал,
И принес с собой новые Наковальни и новый ад.
Нет, и в *Афинах* мы тоже отказываемся от тебя,
Все, что ты находишь в Поле, или в лагере, или в магазине,
Посеять там хаос без помех
Каждой невежественной и заурядной души;
Но тогда, добрая Чума, твои завоевания прекратятся;
Пусть искусство и образованные люди там спасутся,
В *отношении* себя Минерва не совершала изнасилования;;,
Не прикасайся к священной толпе,
И пусть *Жрецы* Аполлона будут такими же молодыми, как он,
Пусть он тоже будет здоровым и сильным.

Но ах! слишком ненасытная чума, в то время как я
Стремись держаться подальше от страданий,
Ученые умирают так же быстро, как и другие вокруг меня;
Они от коррупции не свободны,
Смертны, хотя и дают бессмертие.

XXVII.

Они отвернулись от своих Авторов, чтобы попытаться,
Какая помощь, какое лекарство, какое снадобье
Вся Природа запасается против этой Напасти,
И хотя, кроме того, они повсюду этого избегали,
Они искали это в своих книгах, и фейн встретил бы это там.
Они перелистали Записи древних времен,
И главным образом те, кто прославился своими преступлениями;
Чтобы выяснить, наказывали ли так мужчин раньше,

Но не нашли ни Болезни, ни лекарства.

Увы, природа! теперь я был удивлен,

И все ее Силы иссякли,

Перед тем, как ей посоветовали, как сопротивляться:

Итак , когда Слоны впервые испугались

The *Римляне* с необычным боем,

Они проигрывают много сражений,

Прежде чем они узнали своих врагов,

До того, как они поняли, каким ужасным войскам можно противостоять.

XXVIII.

Теперь все разные Секты согласны

Против их общего врага - болезни,

И все их мелкие пререкания прекращаются;

The *Пифагорейцы* отклоняются от своих заповедей,

Они больше не соблюдают своего молчания,

Они убегают из своих Школ,

Плачь, и плачь, и стенай;

Теперь они жаждали своего Метемпсихоза;

Не только спорю, но и желаю

Чтобы они могли превратиться в зверей, или птиц, или рыб.

Если бы *Платоники* были здесь,

Они бы проклинали год своих Хозяев,

Когда все станет так, как было,

Когда они снова заболеют той же болезнью, они должны перенести:

И все философы теперь хотели бы,

Что должен сделать великий *Стагирит*,

Сами бросаются в воду с головой.

XXIX.

The *Стойк* почувствовал смертельный удар,
При первом штурме их мужество не было сломлено,
Они призвали на помощь всю Паутину,
О правилах и заповедях, которые у них были припасены,
Они хотят, чтобы их сердца были открыты,
Прикажи им быть спокойными и стойкими;
Но вся сила заповедей никуда не годится.,,
Они теперь не могут справиться с бурями страстей,
Как обычные люди злятся, скорбят и бушуют.
К богам взывают напрасно,
Боги не давали облегчения их боли,
Боги бояться даже за самих себя начали.
Ибо теперь больные приходили в Храмы,
И принесли больше, чем священный огонь,
Там, у Алтарей, совершали они молитву,
Они приносили жертвы и умирали там,
Невиданное ранее жертвоприношение;
Тот Рай, где только мы были бы в крови
Из Ягнят или Быков, теперь следует
Заполненный Священниками, смотрите и на его собственные Алтари.
XXX.

В лесах больше не было погребальных куч,
Мертвых сам огонь пожирает,
И этот всемогущий Завоеватель обладает чрезмерной властью.
Благородный и обычный прах
Вонзаются друг в друга могилы,

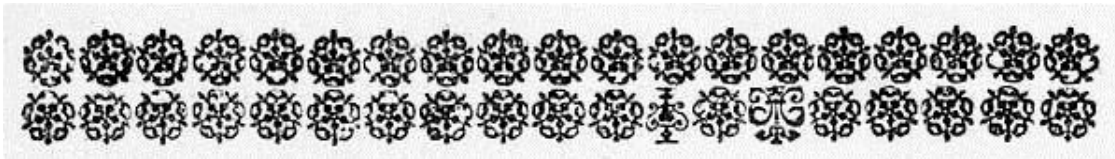
Ни одно место не является священным, как и ни одна могила,
Теперь это привилегия потреблять;

Их прах не имел различия;
Слишком верно, что смерть сделала всех равными.
Призраки тех великих Героев , которые бежали
Из *Афин*, давно изгнанных,
Теперь Город завис;
Их гнев уступил место их любви,
Они оставили свои бессмертные радости наверху;
Настолько велика была опасность для их *Афин* что они двинулись в путь.
Они пришли пожалеть и помочь,
Но теперь, увы! были совершенно встревожены,
Когда они увидели, что шарики раскрыты, они лежали,
И кости бедных людей вторгаются в благородные Урны:
Они вернулись к своим благословенным местам,
А теперь возблагодарили свое изгнание,
По которому их должны были отправить умирать в чужие страны.
XXXI.

Но что, Великие боги! было хуже всего,
Ад призывал свои хранилища Похотей,
И это не было бы удовлетворительно
Туда были посланы густые отряды душ;
Оно ушло В высший мир,
Такая вина, такое зло,
Такое безбожие действительно усилилось,
Что те немногие хорошие люди, которые все-таки выжили,
Были разгневаны на Чуму за то, что она оставила их в живых,
Скорбел больше о живых, чем о мертвых:
Некоторые грабили даже мертвых,
Хотя они наверняка были заражены до того, как сбежали,
Хотя в самом Воздухе обязательно будет наказан.

Некоторых ни святынь, ни храмов не сохранилось,
Ни Боги, ни Небеса не боятся этого,
Хотя такие примеры их силы появляются.
Вертью теперь считался пустым именем,
И честность - глупый голос славы;
За то, что я уже миновал это мучительное пламя раньше,
Они думали, что наказание уже свершилось,
Думал, Небеса не уготовили худших мук,
Здесь, ощутив Ад, они думали, что его больше нет.

КОНЕЦ.

Список нескольких избранных стихотворений,

Напечатано для *Генри Броума* в "*Пистолете на Айви-лейн*."

Стихи {Лирика, }
 { Макроника, } мистера *Генри Болда*.
 { Героика и т.д. }

Песни и стихотворения мистера *А. Брома*, второе издание.

Все песни и стихотворения о *Долгом парламенте*, начиная с 1640 года. до 1661 г. Знатными людьми.

Песни и стихотворения остроумцев обоих университетов.

Скарроннидес, или *Травести* Вергилия, Пародийная поэма, являющаяся первой книгой *Вергилия Энея* на английском языке, бурлеск.

Скарроннидес, или *Травести* Вергилия, Пародийная поэма, являющаяся четвертой книгой "*Энеи Вергилия*" на английском языке, *Бурлеск*: обе написаны Человеком Чести.

Также список того, какой ущерб мы получили от *голландцев*; И краткая история последней войны с *турками*.

ИГРАЕТ.

Английский мавр.

Королевская биржа.

Влюбленный двор.

Веселая команда, или Веселые попрошайки.

Новая академия.

Прополка *Ковент-Гардена*. Автор: мистер Ричард Бром.

ОДОБРЕНИЕ,

Гильденстерн. Джейн. Курица из полиции. Эпизод. Последний.
à *Sacris Dom*.

9 9th 1678 года.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

За исключением указанных ниже изменений, все орфографические ошибки в тексте и непоследовательное или архаичное использование были сохранены.

Предисловие

[Страница 4](#): "должен был помочь" заменено на "должен был помочь".

[Страница 6](#): "и почетный" заменено на "и достопочтенный".

Стихотворение

[Страница 4](#): "великие завоеватели" заменены на "великие завоеватели".

[Страница 8](#): "внутри "um rage" заменено на "внутри него rage".

[Страница 10](#): "подножие или" заменено на "крыша или".

[Страница 11](#): "Которое проклятое "эм" заменено на "Которое прокляло его".

[Страница 20](#): "все минимальное" заменено на "все человеческое".